Москва. Театр „Четвертая стена"

ИГРА В ПЯТЫЙ УГОЛ С "ЧЕТВЕРТОЙ СТЕНОЙ"

Эстония - Таллинн. - 1991. - 5 дек.

12 ноября Российское телевидение показывало бенефис театра "Четвертая стена". Художественный руководитель театра Вадим Жук сказал: "Раньше мы играли все для избранных, теперь играем избранное для всех". Грусти в его словах было не меньше, чем оптимизма, потому что как пелось в одном из старых капустников: "Смеяться, право, не грешно над тем, над чем разрешено"... Да, театр выиграл игру в пятый угол с властями, но теперь - все разрешено, и задачи перед коллективом - а он не меняется: артисты И.Нярсон, И.Окрепилов, Б.Смолкин, С.Лосев, А.Романцов, музыкант М.Мишук - стали иные.

Первое отделение было посвящено прошлому театра, когда пели в маленьком зале Юсуповского дворца: "Нас ждет исход летальный/ Но разве дело в том.../ Сомненья прочь, чем будет ночь печальней, тем мы охотней репетировать пойдем!" Или: "Конечно, он большой художник/ Всегда во всем передовой. Но пироги несет пирожник. Но сапоги несет сапожник. Асфальт несет автодорожник/ А что артист несет домой?!"

Во втором отделении - сегодняшнем - мягкую шутку и легкую грусть сменили горечь, тревога, трагизм.

Актерствуют сенаты и цари,
Политикой профессия своровporана,
Но лишь актерам, что ни говори,
Она рукою Господа дарована.
И сколько б ни стараться остальным,
Играя и словами и идеями,
Им оставаться в памяти страны
Посредственными все же лицедеями.
Мы сами, может, вышли б из игры,
Забыв свои задор и молодечество,
Когда бы не неслось в тартарары
Отечество, Отечество, Отечество...

НАШ СОБЕСЕДНИК - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА "ЧЕТВЕРТАЯ СТЕНА" ВАДИМ ЖУК

- Вадик, ваши капустники становятся все печальней, все горше, а казалось, это такой легкомысленный, забавный жанр, где главное - юмор...

- Знаете, что такое юмор? Это когда человек поскользнулся на банановой корке и упал. Действительно, безумно смешно. Вся мировая история юмора строится на подобном: случайность, нелепость, родившие неожиданность. Но в нашей стране нет бананов, а потому в таком виде юмора нам еще долго не видать.

Я сейчас придумываю новый спектакль. Написано много, но пока еще как-то все не склеивается. Хочу назвать: "Балаганище" - соединение блоковского "Балаганчика" с "Тараканищем" Чуковского. У Блока, как помните, Пьеро восклицает: Помогите, истекаю клюквенным соком! Так вот, я узнал совершенно поразившую меня вещь - клюквенный сок в нашей стране стоит дороже человеческой крови. Да-да, исходящий реквизит - клюквенный сок - дороже исходящей из человеческих вен крови! Вот так у нас обстоят дела с юмором...

- А с поэзией? Может быть, вы исполните сейчас что-нибудь из будущего спектакля?

- Только сразу оговорюсь: я не считаю себя ни поэтом, ни писателем-сатириком. Стесняюсь слова "творец". Мне нравится быть между профессиями... А больше всего на самом деле мне нравится импровизация (хотя я и прочел как-то у Лидии Гинзбург, что импровизация - низший жанр, что только выстраданное и продуманное может стать фактом искусства). Но я, пожалуй, не написал бы ни строчки, если бы можно было только импровизировать - и в сиюминутном отклике есть важный смысл. Меня страшно раздражают остроты, случайно слетевшие с губ за столом или на сцене, а потом многократно и усердно повторяемые. Такой ангел, как шутка, должен существовать лишь однажды... Но... разумеется, и мои шутки многожды повторяются со сцены. Ничего не поделаешь. Хорошо. Чтобы уйти от этого противоречия, пою песню "Балаган":

Потеряли цель.
И корабль - на мель.
И в карманах пыль да шиши.
И совсем бы пропасть,
Да осталась часть
Неистлевшей актерской души.
Все труднее идти нам под красной звездой.
Дайте отдых душе и ногам.
Для чего нам играть,
Коль не переорать
Окружающий нас балаган?!
И за всю напасть
Вдруг решила власть
Ставить праздники на места:
Лишний день гуляй,
Рождество справляй
Позабытого нами Христа.
Непривычно нам под Вифлеемской звездой,
Мы другим поклонялись богам.
И младенец-то сам
Как придет в этот гам,
В окружающий нас балаган?!
И не [illegible] боязнь,
Что и завтра казнь,
Что чума нас ждет да сума,
А обидно мне,
Что в родной стране
Ни веселья нет, ни ума!
То ль мы впрямь родились под полынной звездой,
То ли кто-то беду нагадал,
То ли душит виной
Да тоской похмельной
Окружающий нас балаган!
Потеряли цель.
И корабль - на мель.
И кто может - шасть в камыши.
И совсем бы пропасть,
Да осталась часть
Неистлевшей актерской души.
Так вперед за цыганской актерской звездой,
Пусть другие - к другим берегам.
Все одно -
Всем на дно.
Мы с тобою, родной,
Окружающий нас балаган!

- Как вы нашли или выбрали свой жанр?

- Сразу. Еще на втором курсе театроведческого факультета (куда поступал, надеясь, что найду там нечто среднее между филологией и театром. Так оно и оказалось). У меня всегда было чувство призванности: если я не скажу, так и не скажут. Я как бы занимался несерьезным и к тому же неденежным делом, но внутренне сознавал, что какая-нибудь коротенькая песенка порой может стоить дороже большого пустого спектакля. И когда наш коллектив стал выступать в Ленинграде, когда мы стали ездить в Москву, и изумительная избранная московская публика - а московские актеры, как купцы, такие же открытые и радушные - прекрасно принимала нас, я понимал, что не ошибся.

И еще - я постарался переориентировать капустник. Заставить легкий междусобойный жанр заниматься вещами очень серьезными. Может, поэтому и получалось так много грустного; принцип замечательной русской сатиры: меж смехом обязательно и приплакнуть. И наконец - мой капустник авторский. Я крайне ревнив и ни с кем не могу писать вместе. Кажется, только я сам могу сказать то, что хочу, не утратив нужной интонации.

- А как междусобойность, интимность капустника переходит во всеобщность, как он становится интересен всем?

- Скажу вещь пошлую, но обязательную: театр есть модель общества, выпуклая и яркая. И когда мы говорим о частных наших делах, то наблюдается как бы эффект пирамиды - стоя на вершине, мы завлекаем в свою проблематику весь зрительный зал. Вот, например, номер, который, я знаю, вам нравится: "А что артист несет домой?" Он, конечно, и об обособленности, странности, отдельности актерской профессии, но ведь не только. Он и о том, что происходит в стране. Или "Мертвые души", где речь шла об огромной армии неиграющих актеров, интригами пытающихся найти себе место в театре. Или номер "Полимер" (по знаменитому "Холстомеру" БДТ) - там судьба талантливого актера, но пегого, непохожего, а такие у нас чаще всего гибли. Или старая сценка "Славянский базар", где встречаются в ресторане Немирович и Станиславский, чтобы договориться о создании МХАТа. Как любовно и с лаской их принимают, как обслуживают! Официант о рыбе говорит: "Самцов не держим-с, жестки-с". То есть даже рыбу - девушку им приносят, чтобы все было хорошо. А потом мы показываем, в какой атмосфере хамства и окрика происходила бы встреча основоположников, случись она в наши дни. И заключаем песенкой: "Со студнем свиным и вином виноградным, хоть тресни, театр не создашь". Искусство требует неги, холы, требует, чтобы его любили. Не создать МХАТ на пустых ящиках из-под посуды. Я, конечно, знаю, что искусство вырастало и из нищеты, но это неправильная тенденция. Это, по сути, циничная отговорка власть имущих: мол, и Вийон был бедный, и Рембо несчастный. А правильно было бы, как сказал поэт: "Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами"...

Так вот, сначала зритель приходил к нам, движимый соблазном заглянуть за кулисы, а потом понимал, что там то же самое, что и в его учреждении, на его предприятии или в его НИИ...

- Как вам удавалось проводить ваши капустники через цензуру, ведь раньше требовалось получить разрешение даже на вещь, исполняемую в самой маленькой аудитории?

- Удавалось далеко не всегда. Скажем, у нас был славный, по-моему, номер по "Маленьким трагедиям" Пушкина, где главные режиссеры встречались с великими людьми, чьи имена были присвоены театрам. Ну, например, в "Каменном госте" Агамерзян-Дон Гуан встречался со статуей Комиссаржевской. А в "Моцарте и Сальери" Горбачев встречался с Пушкиным. Режиссер произносил там: "Вот говорят, нет правды на земле. А в "Правде" что, неправду пишут?! Как славно следовать постановленьям, идти в струе. Вот создал я спектакль, и зритель из ПТУ поверил. Понравилось. А кто, как не они, нам высшие ценители и судьи?" Потом выходил Пушкин и предлагал "Пир". Горбачев переспрашивал: "Мир?" "Нет, "Пир во время чумы". Горбачев раздумывал, видел странные намеки в тексте, сомневался и, наконец, отсылал Пушкина. Потом звонил Дантесу и давал поручение убрать Пушкина. Дантес спрашивал, отчего Горбачев не сделает это сам. Режиссер с достоинством отвечал, что он гений, а гений и злодейство две вещи несовместные... Словом, запретили нам все это.

А иногда встречи с цензурой были очень забавными. В 83-м мы репетировали капустник к моему творческому вечеру. Репетиции были продуктивными, но почему-то странно разухабистыми. Ни одного слова без матерной приставки, как в цехе обувной фабрики. И вот подходит ко мне начальство Дворца искусств и сообщает: все у вас прекрасно, можете это играть. (Оказывается, они включили трансляцию и слушали всю нашу похабель.) Я страшно покраснел и стал бормотать извинения, но начальство меня снисходительно успокоило и программу утвердило.

А потом я научился визировать программы в собственном исполнении, стараясь пробормотывать текст с ужасной дикцией и совершенно невнятно. Помогало. Ну впрочем, мы выступали крайне редко, под Новый год, еще пару раз, съездим в Москву, в какое-нибудь передовое НИИ, сыграем у каких-нибудь замечательных физиков - и все. Если бы не новые времена, все было бы обречено забвению.

- А потом на сцену хлынула политика и достаточно быстро всем надоела...

- Именно. Лет пять назад мы сделали первый открыто политический капустник, и сначала мои актеры удивлялись: кому это нужно, кто на это пойдет? Оказалось, тогда нужно было всем. Но очень скоро захотелось вернуться к старым спектаклям, где овощ интереса выращивался на грядке театра, литературы, песни. Захотелось вернуться к эзопову языку. Да-да, его прелесть не только в возможности обойти запреты, он помогает перевести жизнь в искусство. Он пользуется метафорами, образами, он дает слои, угол зрения, которые создают эффект юмора. К сожалению, какой-то части публики достаточно, чтобы явление было просто названо. Но это еще не искусство, когда выходит эстрадник и сообщает о наших недостатках или о том, что наши вожди неграмотны. Эстрадник, сатирик должен из сферы жизни войти в сферу искусства. Я не могу засмеяться, если мне со сцены просто назовут Янаева, а вот если срифмуют "Янаева - Я на его (пошлю)", то что-то может и наклюнуться...

- Спойте, пожалуйста, для убедительности вашу песню - отклик на введение в Ленинграде покупательских визиток.

- Ладно.

Город над вольной Невой,
В сущности, уже полуживой,
Слушай, Ленинград, я тебе спою,
Если я на ногах устою.
Экономически чист,
Город мой - боец и коммунист.
Баки заправлять прямо из Невы
В нашем городе можете вы.
Чтоб я был с лицей знаком,
Выдал мне визитку исполком:
Чтобы в магазин не нанес визит
Затесавшийся к нам паразит.
С милой молчим неспроста
Мы у разведенного моста:
От такой еды, знаем я и ты,
Поднимаются только мосты.
Мы в Ленинграде живем,
Так же, как о ем, мы и поем,
Как о ем поем в городе моем,
Так примерно мы в ем и живем.
Пушка палит невпопад,
Медный всадник скачет наугад,
Сзади на козе едет депутат,
Доброй ночи, родной Ленинград.

Судьба актера всегда отдельна, но и всегда неотделима от жизни страны. И я чувствую огромную ответственность - не за то, что происходит вокруг, но за то, что я делаю лично. И если я лезу в политику, то и там я обязан быть озабочен прежде всего проблемами эстетическими. Вот одними из первых мы сделали развернутую пародию на Лениниану. И опять же я не занимался Лениным - пусть с ним разбираются другие, меня волновали художественные воплощения этого образа. Я перечитал все эти фальшивые, бесстыдные пьесы Штейна, Погодина, Шатрова и ужаснулся. У Погодина я просто списал финал своей вещи. Там не нужно было даже ничего изменять...

- Вы занимались когда-нибудь историей капустников?

- Капустник начался тогда же, когда началась комедия. Уверен, что "Лягушки" Аристофана вышли из капустника: там есть спор драматургов, они пародируют друг друга. Так что основоположник комедийного жанра был основателем и нашего. Собственно, в комедии мы имеем дело с абсолютно вымышленными героями, а в капустнике - с легко узнаваемыми, вот и вся разница. И чем смешнее капустник сам по себе - вне отсылки к пародируемому объекту, тем он лучше.

И в русской театральной среде капустник существовал всегда, еще не получив своего названия, поскольку всегда актеры сходились, шутили, выставляли друг друга в невыгодном свете. А определился жанр с нынешним названием где-то в щепкинские времена, в 40-60-е годы прошлого века. В мясопустную неделю нельзя было не только есть мясо, но и играть на театре. Актеры собирались, кормили друг друга пирогами с капустой, веселились. Воспоминаний в мемуаристике об этом, к сожалению, мало. Но вот в рассказе Бунина "Чистый понедельник" можно прочесть, как кривлялся и плясал на сцене Москвин в один из капустных вечеров. У чистого и холодного Бунина все это вызвало отвращение. Запросто простим Бунину, а свидетельство для нас важное.

На моей памяти прекрасные капустники делали Миронов и Ширвиндт в "Сатире"; в Ленинграде замечательные капустники были у Белинского. Заметьте причем, что тексты ему в основном писали Рацер и Константинов - не самые лучшие наши драматурги, а вот в жанре капустника им принадлежит несколько шедевров. Например, мюзикл "Что делать?", созданный в период повальной мюзикализации мировой литературы...

Недавно перечитал плотно Салтыкова-Щедрина - там есть все для капустника. И впервые захотелось поставить не себя. У Салтыкова-Щедрина есть разговор русского и немецкого мальчиков, с горчайшими строками точно попадающими в наш день. Русский мальчик говорит: врешь, немчура, будет и на нашей улице праздник! А немецкий мальчик отвечает: никогда у вас ни улицы не будет, ни праздника.

- А вы как считаете?

- Еще года четыре назад я написал такую песенку:

Новых начальников всюду назначим,
Верим мы, все в их могучих руках.
Жить несомненно мы будем иначе,
Это сейчас выясняется - как.
Пусть они путают Моцарта с Листом,
Лишь бы в полях колосились хлеба.
Не оставляйте стараний, министры,
Не убирайте ладони со лба.
Вот выступает народный вития:
Многопартийность - единственный путь!
Что вы, какая там многопартийность,
Нам бы одну прокормить как-нибудь.
Мы, слава Богу, давно реалисты,
Нас [illegible] научила судьба...
Не отдавайте руля, коммунисты,
Не убирайте ладони со лба.

А заканчивалась песенка так:

Мы отдохнем у того вон столба,
В самом высоком и нежном регистре
Будет нам петь золотая труба.

Была надежда, казалось, вот-вот все станет замечательно...

- А что вы написали в последнее время?

- Песенку, посвященную целому ряду событий и, в частности, презентации магазина Елисеева:

Вот и снова мы все съели, то, что сеяли,
Лишь полным-полна коробушка рублей,
И приходится семейство Елисеевых
С Елисейских звать на родину полей.
Ведь умело же российское купечество
Безо всяких продовольственных программ
Накормить свое обширное отечество,
А не то что - по талону килограмм!
Ах, купцы былинные, времена старинные,
Плачь, родная сторона.
Очереди длинные, в хлебные да винные,
Где ни хлеба, ни вина.
От Филиппова хлеба были румяные,
Был от Жукова душистый табачок.
А которому желательно быть пьяному,
Был от Шустова отборный коньячок.
От чего же ныне щеки наши впалые,
Все мы жалимся да плачем отчего?
От того, что от Рыжкова и от Павлова,
От Силаева пока что - ничего.
И пока не видели мы подвод с провизией
Из-под города Ельца.
И пока богаты мы только автоматами
От Калашникова-купца.
Героически трудясь без сна и роздыха,
Иногда купцы дурили сгоряча,
С пьяных глаз однажды Мамонтов с Морозовым
Поддержали капиталом Ильича.
Мы простим им эти слабость и рассеянность,
Мы помянем их хорошие дела,
Как-никак, но от купчины Алексеева
Вся система Станиславского пошла.
Ах, купцы былинные, времена старинные,
Возвращайтесь поскорей.
Чтоб на милой родине
Вновь писал Кустодиев
Ваших жен и дочерей.
Закупили мы компьютеры валютные,
А порядка и обилья не видать.
Неужели ж нужно лютого Малюту нам,
Чтоб по-новому нас намертво взнуздать?!
И покатится все снова к той же матери,
А уж как она сурова эта мать!
Выручайте из беды, предприниматели,
Начинайте что-нибудь предпринимать.

- То есть за последние четыре года надежда сильно изменилась или исчезла совсем?

- Нет, не исчезла. Я неисправимый оптимист. Я останусь в той жизни, которая у меня есть, и никогда ее не предам. Не предам свое прошлое, друзей, город, все эти глупые трещинки в асфальте.

- И на прощание скажите какой-нибудь экспромт.

- Очень хочется приехать в Таллинн...

- Отлично!

Вела беседу
Елена СКУЛЬСКАЯ.
Фото А.Спицына.